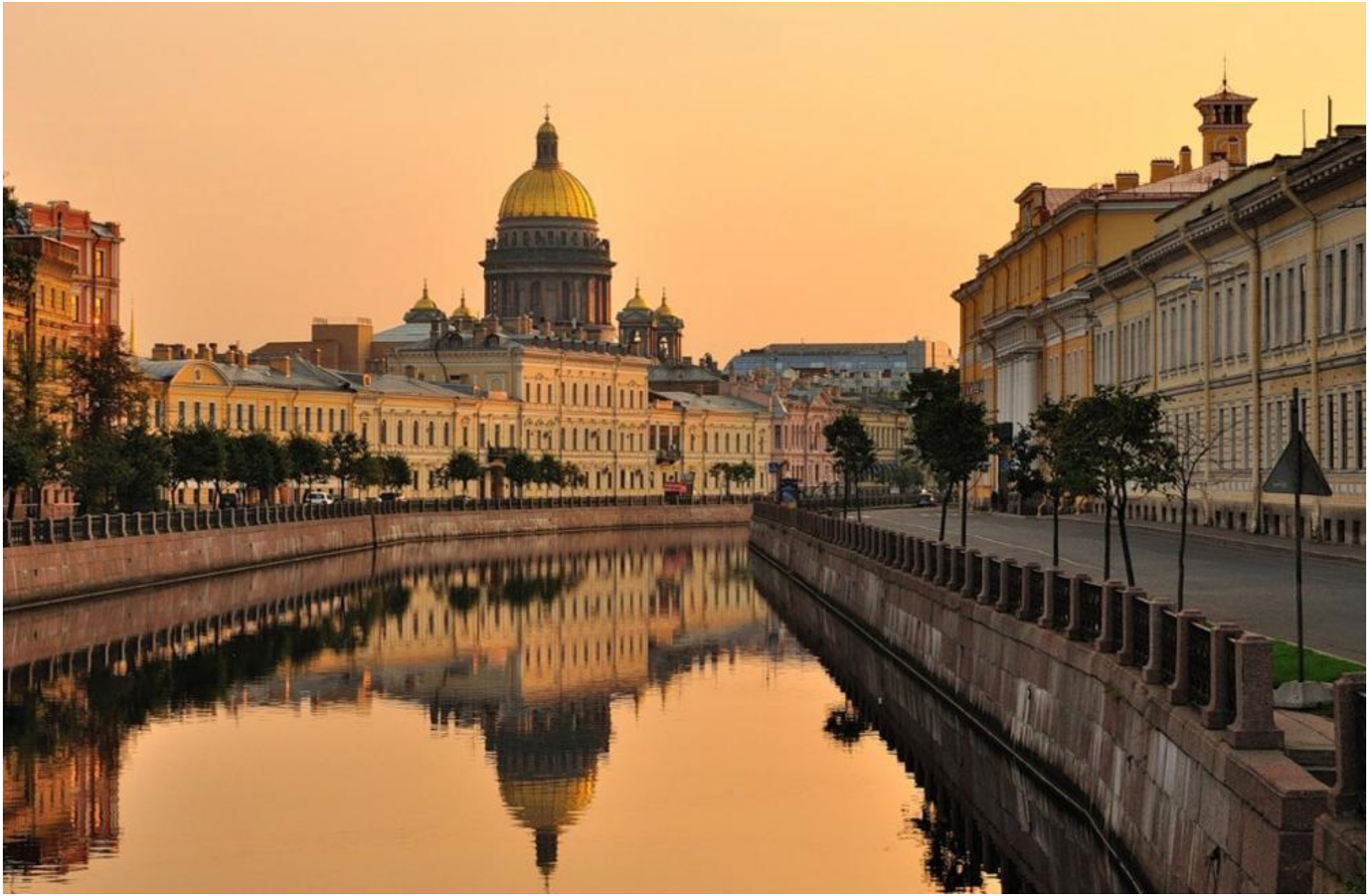
Теодор Гальперин

Тогда в Иерусалиме…

Рассказ

- Мне 26 лет, и я умираю. Умираю в больнице имени В.И.Ленина в Ленинграде (ныне Покровской). Я, переживший Великую Отечественную, окончивший школу с золотой медалью, физический факультет с красным дипломом, инженер-физик, занимающийся проблемами физики и технологии полупроводниковых приборов, - такой молодой, способный, и вот я умираю.
- Я уже два года женат на моей однокурснице Галочке Ивановой, у меня годовалый сынок Боря (Бориска, Боречка), и я умираю.
- Уже больше месяца я существую в больнице, но точный диагноз еще не поставлен.
- А всё началось с очень сильных морозов в Ленинграде. С Васильевского острова, из Гавани, до завода «Светлана» тогда колесил только трамвай № 40, два вагончика старого образца, где двери неплотно прилегали и закрывались вручную, скользя подшипниками по направляющим. Вагоны почти не отапливались, а в эту зиму грянул мороз в 32 градуса и в трамвае был настоящий холодильник.
- В половине седьмого я уже должен был выбегать из дому, хлебнув чайку с бутербродом, приготовленным Галочкой. Больше часа тарахтел по рельсам трамвай, а мне еще по территории завода топать минут 15-20. Чтобы не превратиться в заморозку, я пританцовывал на площадке, постоянно закрывая дверь вагона, произвольно скользящую из закрыто-открытого состояния.
- И я простудился, незадолго до дня рождения сыночка и Нового года. Высоченная температура не снижалась от прописанных участковым эскулапом пилюль, от диагноза ОРЗ-грипп перешли к воспалению лёгких и отправили в больницу 29 декабря, в день рождения сыночка.
- Рентген - антибиотики – Новый год в больнице - температура упала - снова рентген 3 января и вроде в лёгких норма, сняли кардиограмму. Я уже по самочувствию был на уровне, играл в шахматы с соседом по палате. Прибежала взволнованная сестра: «Ложись, у тебя - инфаркт». «Это шутка», - переспросил я. - «Какая шутка, ложись!»
- Меня перевели в другую, малонаселённую палату, всего 6 человек, где койки были разделены только тумбочками, а холодильником служило пространство между двумя рамами окна.
- И потекли ужасные 4 месяца.



- Вставать мне не разрешалось (такова в те времена была методика лечения). Санитарка ставила еду на грудь, я ложкой заливал в себя суп, частично проливая его себе за шиворот. Санитарка должна была справляться и с последствиями потребления пищи.
- Елена Борисовна Журавлёва, светлая женщина, замечательный кардиолог, определила, что у меня не инфаркт, а миокардит (воспаление сердечной мышцы). Но от лежачего режима в лёгких образовались инфильтраты, снова – воспаление лёгких, и подозрение на туберкулёз. Мнения врачей разошлись – что первично, что вторично? – сердце или лёгкие. Собирались травить лекарством от туберкулёза, и тогда меня бы уже не было.
- Пригласили консультанта-профессора. Старенький еврей, только простучав меня пальцами: «Туберкулеза у вас нет, молодой человек, пора выздоравливать». Он же и поставил правильный диагноз: инфекционно - аллергический миокардит. (К сожалению, я не запомнил фамилию этого прекрасного доктора).

- Уже больше месяца я в больнице: исхудал, ночью сильно потею, надо сменять за ночь по 8 рубах. Санитарка ночью одна на отделение, так я и лежу, часто не дождавшись её, в мокром и ещё больше простужаюсь. Мне все хуже.
- Мы только в сентябре с Галочкой и Бориской обосновались в отдельной квартире, купленной в рассрочку с помощью наших родителей. И вот - я умираю.
- Больница недалеко от нашего дома. Галочка начала дежурить у меня по ночам, сменяя рубахи. Утром она, сонная, бежала на работу, забросив сыночка в ясли, (по ночам у нас с сыночком ночевала её бабушка, живущая неподалёку). И это было счастьем - мы любили друг друга с первого студенческого дня уже 7 лет. Но я сознавал - она не выдержит в таком надрывном режиме, да и сынок в яслях, как обычно, заболел. Я просил - не приходить!
- Тогда моя мамочка, София Михайловна, ей всего 46 лет, весьма занятая на своей работе, далеко добираясь до этой работы, принимает решение - взять отпуск за свой счёт и дежурить по ночам у моей постели почти круглосуточно, сменять рубахи и кормить меня обедом и ужином. В это время – бабушка, дорогая моя бабушка, любившая меня беззаветно, дома готовила мне разные витаминные блюда, рекомендуемые врачами.
- Мама была очень активная, умеющая преодолевать трудности. Она спасла меня в войну, увезла в эвакуацию с авиационным заводом в Новосибирск, где объединились ленинградский, московский и киевский авиазаводы под идейным и техническим руководством знаменитого авиаконструктора А.С.Яковлева. Её ценили за работоспособность, умение ладить с людьми и назначили секретарем генерала, директора авиазавода.
- Через месяц моего пребывания в больнице родители забили тревогу. Отец, Борис Соломонович, очень занятый на работе, начальник отдела в одном из НИИ, привёл консультанта из Военно-медицинской академии. Мама в день 8 марта позвонила (не знаю, как она добыла телефон) знаменитому кардиологу, профессору Кедрову. И сказала: «Сегодня, в женский праздник, Вы не можете мне отказать, посмотрите моего сына …». И Кедров приехал и посмотрел, и подкорректировал назначения.
- И вот ночами мамочка – у моей постели. Я обильно потею, пульс до 150, порой теряю сознание. Я падаю в какую-то невесомость и лечу по тёмному тоннелю, где в конце едва брезжит что-то похожее на начало рассвета.

- Спустя годы я прочёл сборник статей на тему « Жизнь после смерти ». Да, кажется, также уходил из жизни в полёте через этот тёмный тоннель. Но возвращался к жизни через этот рассвет. Ощущал: какое-то приятное тепло обволакивает моё тело, и открывал глаза. Я видел мою мамочку, её пронзительный, сострадательный взгляд. Всегда весёлая, молодая, а сейчас бледная, похудевшая, состарившаяся.
- «Нет, нет – твердил я где-то внутри больного сердца или души – не имею права умереть! Это просто убьёт мамочку».
- И вновь выходил-вылетал из проклятого туннеля под воздействием исцеляющего маминого взгляда, её теплых рук, сменяющих очередную рубашку, её энергетики, от которой по моему телу разливалось спасительное тепло.
- Начал поправляться, но только через 2 месяца смог встать, ослабевший, исхудавший.
- Я пришел в больницу на своих ногах, а вывезли меня на коляске и подняли на руках на 3й этаж.
- Далее началась борьба за жизнь на Земле. Лето мы с Галочкой и Бориской провели на съемной даче в Комарово. Я учился ходить, наращивая ежедневно дистанцию. Галочка, с сыночком в коляске, сопровождала меня. Живительный хвойно-морской воздух Комарово, любовь жены и сына, моё упрямство в преодолении, которое здесь оказалось очень кстати, возвращали силы для жизни.
- Я отказался от инвалидности. Не буду описывать подробности - на эту тему есть много других повествований. Воля и цель в жизни!
- Осенью я вышел на работу.

- Но уже на другую - недалеко от дома, в институт военно-промышленного комплекса, занимающийся исследованием и разработкой авиационной аппаратуры, средств навигации, взлёта и посадки самолетов и вертолетов, а позже - и космических аппаратов.
- В те времена институты ВПК были богаты и разносторонни, велись и перспективные исследования по смежным наукам - увлекались бионикой, твердотельной полупроводниковой технологией, технологиями тонких и толстых плёнок.
- Выдали мне тему, необходимую тогда для снижения нестабильности систем отображения информации у пилотов и авиадиспетчеров. Она была из новой области электроники - электроники электролитов или ионики.
- Повезло! - Тема была новая, удалось открыть новый эффект и новые возможности в электролитическом усилительном приборе, придуманном одним из лауреатов Нобелевской премии.
- Моими работами заинтересовались в одном из академических институтов в Москве, приняли, почти без экзаменов, в заочную аспирантуру.
- Повезло и с руководителем – им стал молодой профессор кафедры математической физики МГУ, теоретик, Владимир Иванович Дмитриев. Он помог мне сотворить теорию нового эффекта (я назвал его «биполярным»), на основе теоретических исследований обнаружились ещё два новых эффекта. Знание физики полупроводников позволило мне обобщить теорию электролитических и полупроводниковых приборов, работающих на основе диффузии носителей заряда.
- Главным оппонентом на защите был ректор Казанского авиационного института Рашид Шакирович Нигматуллин. Его кафедра тоже занималась электроникой электролитов, мы были конкуренты, но Рашид Шакирович выступил на Совете с восхваляющим отзывом, с пожеланием доработать диссертацию до уровня докторской.
- Защитился единогласно. На защиту в Москву приехала моя Галочка. Я был похож на бутылку открытого искристого, из которого фонтанируют потоки счастья, и мы с Галочкой распили его на двоих.
- Мы остались дружны с Дмитриевым. Работали над монографией « Теоретические основы электроники электролитов». При любом удобном случае заезжал к нему в Москву. Как-то с сыном (показать сыну Москву, ему уже было 12 лет), жили у В.И., он кормил нас завтраком и ужином.

- Все эти годы шла борьба за здоровье моего сердца, и главным врачом и другом была незабвенная Наталья Борисовна Журавлёва. Неяркая, с виду неприметная, одинокая женщина, но врач - от Бога. Она умело крутила баранку моего сердца, и оно стучало в нужном ритме.
- Я продолжал интересоваться моей темой - электролитическими процессами в ячейках с диффузионными барьерами. По энергетике - напряжениям и токам - они подобны нервным клеткам, нейронам. Увлекся биофизикой, бионикой. Какова же это природа памяти человека, невероятная загадка хранения огромного количества информации в столь маленьком человеческом мозге? И вот - набрёл на работу, где эта загадка объяснялась голографическим полем, образованным взаимодействием лазерного излучения множества нейронов.
- И тихо вызрела догадка – может быть это сакральная, мистическая связь между матерью и ребенком образуется в утробе матери и с перерезанием пуповины не исчезает. И мать может воздействовать своим голографическим полем мозга на дитя и после рождения, возбуждая мозг и вызывая резонанс в голографическом поле ребенка. Тем сильнее, чем труднее были роды, большее и физическое, и интеллектуальное напряжение.
- И моя мама так и спасала меня. И мне кажется, что я до сих пор ощущаю это яркое излучение её прекрасных глаз, и приятное тепло разливается по телу.
- Я не был религиозным (ведь был пионером, комсомольцем) и не стал религиозным в полном смысле, - посещающим регулярно церковь или синагогу, совершающим молитвы, но что-то неземное, сверхъестественное было в моём исцелении.
- С детства необъяснимое волнение охватывало меня, когда я стоял перед картиной Александра Иванова «Явление Христа народу». Что-то возвышенно-романтическое теплилось в душе. Ещё в детстве, у моего школьного друга, увидел сохранившийся учебник царского времени для гимназий «Священная история», со знаменитыми иллюстрациями Гюстава Доре. Он включал в сокращении Ветхий и Новый заветы. Из столь краткого изложения было весьма очевидно: духовные ценности иудейства передались христианству – заповеди Моисея повторились в заповедях Иисуса.
- А уже в 80-ые на книжной барахолке я смог купить неканонический том Библии и зачитывался её поэтическими страницами. К тому же, к этому времени, благодаря находкам в Кумранской пещере, стало известно – библейские истории не просто сказания древнего народа, они реальны, её герои исторические персонажи и Иешуа (Иисус Христос, Спаситель) жил на этой грешной земле.
- Прочёл книгу Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса», впервые представляющего нам Иисуса не пророком, не страдальцем, а мудрецом, философом, передающим безвозмездно свою мудрость жизни людям.
- И вот - увидел картины певца русской природы Василия Поленова, прожившего много месяцев на Святой земле и создавшего десятки картин о жизни Иисуса Христа. В картинах этих – вся жизнь Иешуа-Иисуса, с детских лет в Назарете. И образ Марии - то совсем юной, весело спешащей с Иешуа к роднику за водой, то постаревшей, страдающей над судьбой сыночка. Это образы без налёта иконности - понятных, близких нам людей, может быть, наших современников.
- Василий Поленов по-человечески мне очень близок и симпатичен. Он также с детства был восхищён «Явлением Христа народу», также впечатлился образом Иисуса в книге Э. Ренана, был очень образованным, разносторонним, демократичным. Даже сочинял музыку к своему библейскому циклу. Влюблённый в человечность, чистоту и этику учения Христа, он создал образ близкого и понятного нам, живого человека, Иисуса, - называвшего себя сын человеческий, и как другие называли - сын божий.
- Мне очень захотелось побывать на Святой земле, побродить по местам Иисуса, по Иерусалиму…

- У меня была серьёзная форма допуска к секретности, я был абсолютно невыездным, даже в демократические страны не мог купить путёвку. В 80-90 годы всё изменилось: мне всё же оформили загранпаспорт, растянув это мероприятие на 4 месяца.
- Но денег-то не было. Зарплату не платили, а о реальном существовании её напоминали только бумажные квиточки. Прекратились всякие научно-исследовательские работы, и только нескольким сотрудникам, в том числе и мне (я уже стал Заслуженным изобретателем России), поручались научные исследования, но уже по неотложным темам – спутниковой навигации, системам взлёта и посадки, предупреждения столкновений самолетов, тренажёрам для пилотов и авиадиспетчеров.
- Мне было уже не до научной романтики – природы памяти, голографических эффектов. Надо было как-то жить, не было денег даже на ремонт обуви, я вытачивал набойки в механическом цехе.
- В это трудное время физик вдруг становится лириком. Я с молодости сочинял стихи. Галочке к свадьбе подарил тетрадку стихов-посвящений. Ей нравились мои стишки, советовала показать их где-нибудь в литературных кругах. Я не считал необходимым пробиваться в литературу. Но, неожиданно, начал напевать свои стихи под гитару.
- Счастливый случай познакомил меня с необыкновенным, божественным творением - Ниной Тарасовой, сочиняющей песни на стихи поэтов серебряного века. (О ней нужен отдельный рассказ.) Нина была в таком же почти безработном кризисе. И мы начали вместе ездить с концертами по пригородным санаториям и домам отдыха, порой пели дуэтом мои песни. Плата была - весьма прискорбная.
- Песни начинающего великовозрастного сочинителя (мне было уже 47 лет, когда случилось это стихийное бедствие) получили неожиданное признание, передавались по радио, песни о Петербурге, о Победе, о Блокаде, романсы стали лауреатами конкурсов авторской песни.
- И вот пришло-прибежало-нахлынуло везение: в октябре 1999 года, накануне юбилея Христианства, телевидение предложило мне направиться на ежегодный фестиваль русской авторской песни в Израиле, оплатив мне только авиабилеты, и выдав деньги на местного оператора для съемки этого фестиваля. Я должен был привезти фильм о фестивале.
- Сотрудник режимного отдела, сидящий под портретом Ф. Дзержинского, регистрируя выезд, грозно спросил: « Что делать-то будешь?» Я также грозно ответил: «Петь!»
- Он: « Приедешь – доложишь!»
- « Черта с два, - подумал я – не те времена!»
-
- И я полетел в Израиль, в обнимку с гитарой.

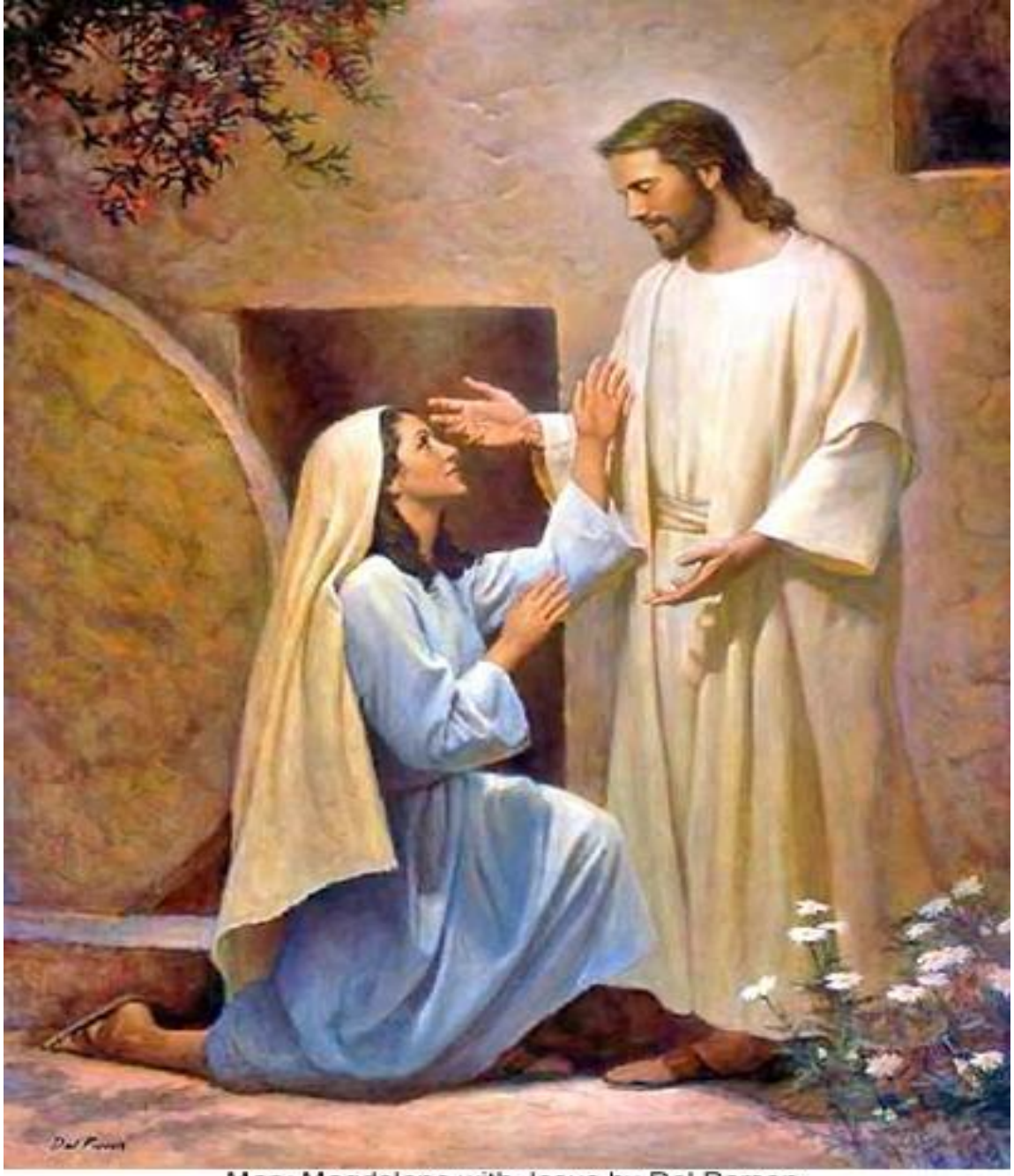
- Никогда больше не видел такого скопления человеков. Нескончаемое, необозримое море экскурсионных автобусов с туристами со всего христианского мира образовалось у иерусалимских ворот. Экскурсионные группы шли по Иерусалиму одна за другой, плотной колонной без разрыва, границы группы обозначались экскурсоводами, держащими над головой солнечные зонтики, у всех разного цвета. Если кто-то терялся по дороге, то надо было забежать в ближайшее кафе или магазинчик и сообщить цвет зонтика, по которому владелец определял экскурсовода, звонил ему, и тот прибегал за потерявшимся.
- Израиль энергично готовился к юбилею Христианства. В ожидании множества гостей, расширяя дороги к святым местам в Назарете, Вифлееме. В старом Назарете, по обе стороны дороги проживают арабы разной веры - мусульмане и христиане. Подъезжая к Назарету по расширяемой израильтянами дороге, стал свидетелем, как арабы-мусульмане энергично мешают строительству дороги, не признавая праздника. Арабы - христиане пытались их образумить, и вот – рукопашные бои между арабами разной веры. Мне так хотелось закричать: « О, люди, опомнитесь!..»
- 23 дня, наполненных невероятной энергетикой Святой земли, провёл я в Израиле. Жил в Хайфе у дочери моего одноклассника, а на пропитание заработал рядом концертных выступлений. Много иудейских и христианских святынь посетил. Дважды был в Иерусалиме – у Стены плача и в Храме гроба господня, прошёл крестным путём, каким вели Иешуа римские воины по улице Виа Долороза (Путь Скорби), прикасался благоговейно к Вифлеемской звезде у колыбели Иешуа в Вифлееме...Неизменно носил с собой русско-английский разговорник. Но, как только открывал его, ко мне подходил израильтянин и на чистейшем русском спрашивал: «Вам куда?»
- Запомнилась трогательная сцена в Хайфе: из девятиэтажного лётно-морского училища весело вылетают после занятий мальчики и девочки в лётной или морской форме с автоматами через плечо, некоторые парами, в обнимку, и болтаются у них с разных сторон эти мешающие целоваться автоматы.
- Неожиданно, у центральной площади в Хайфе, услышал родную песню «Амурские волны» - пела стройная красавица-блондинка, голубоглазая, играя на перламутровом аккордеоне. Пела замечательно, и очарованные ею, говорящие на иврите, английском, арабском и русском, бросали в её копилку монетки.
- И вот 3 дня на фестивале. Оказалось, в Израиле - множество клубов авторской песни, даже в малых городках, хоть по несколько человек, – но они есть. На фестивале собралось множество израильтян – более 10 тысяч любителей русской песни. Жили в палатках на берегу Галилейского моря (озеро Кинерет), где и проповедовал Иешуа-Иисус.

VIA DOLOROSA

- Золотой песок, чистейшее озеро-море, высоченные сосны, необыкновенный, ласкающий воздух. Спали по 3 часа, всю ночь - гитара по кругу, распевали свои песни, а днём и вечером слушали множество концертных выступлений с эстрады и моё выступление с песней «Часовщик», сочинённой под впечатлением от картины Юрия Пэна, учителя Марка Шагала. («Скрипит вселенский маховик, искусный мастер-часовщик модель Вселенной правит на столе…Зачем вам злобы горький клад, зачем страстей газетных гвалт, коль время быстротечно словно дым?..») Образ мастера-мудреца-философа гармонично парил над Галилеей в атмосфере мудрости тысячелетий.
- В последнюю ночь, в этом ласкающим тело и душу сосново-морском воздухе, я внезапно проснулся в непонятном беспокойстве. И вдруг – совершенно невероятная догадка. Я даже испугался сначала. А потом - а кто докажет, что это не так? И может быть тогда, тогда в Иерусалиме…

Цикл картин «Из жизни Иисуса Христа»

- Когда небо над Иерусалимом от пронзительного чёрно-синего с небрежно рассыпанным серебром звезд начало постепенно мягко синеть, и свет звёзд становился всё более далёким и матовым, Мария пришла к пещере, где был погребён её первенец, её Иешуа. Она пришла в субботу, священный для иудеев день, когда отменяются все дела и надо только молиться Богу. Но Мария решила, что её приход угоден Богу, он простит её.
- Стражей у пещеры не было. Видимо, римские охранники решили, что иудеи в субботу по домам или в синагоге, и никто не придёт к пещере, и отлучились выпить горячительного.
- Ночью случилось небольшое землетрясение и камень, прикрывавший вход в пещеру, несколько сдвинулся и образовалась на входе щель. Мария, сильно исхудавшая за последние дни, особенно после казни, невероятным усилием рук и всего тела сумела увеличить щель и протиснуть своё хрупкое тельце в пещеру.
- В пещере посветлело. Она увидела сына, обернутого по иудейскому обряду в светлую плащаницу и возложенного на выдолбленное в скале-склепе ложе. Витали ароматы алоэ и мирры. Мария склонилась над Иешуа, новые седые пряди светились в том предутреннем сумраке. Глаза её были сухими словно пустыня - траурных плачей совсем не осталось. Иешуа лежал спокойно - бледный, со следами запекшейся у висков крови. Мария оторвала отросток алоэ и протёрла сыну виски.
- Ей показалось, что голова его благодарно склонилась. Память её открыла окно в Назарет, родной город, где она родилась и родила, и нянчила своего сыночка. Вот в ярком платьице она спешит за водою под гору, обнимая рукою кувшин на плече. Маленький Иешуа прилепился к ней, держится за платьице и шествует рядом.
- Ей показалось, что голова Иешуа ещё больше обратилась к ней. Как будто и в сыне воскресло это воспоминание, где она красивая и молодая, вновь и вновь, изо дня в день спускается под гору к роднику, а он, не уставая, с нею. Да, да, красивая, краше всех женщин на свете. Он всегда так ей говорил. И это осталось навечно в детской памяти, и светлая, долгая радость невероятным теплом пробежала по телу Иешуа. И от этой светлой радости дрогнуло его сердце.
- Мария прильнула к его изголовью. От великой материнской любви согрелась душа его. Он очнулся. Увидел: мама совсем седая, её всегда сверкающие очи - теперь потухли. «Спаси, Адонай,- взмолилась душа его, - Марии больнее, больнее в смертельной печали по сыну». Он услышал тихий настойчивый голос:
- « Воскресни, воскресни! Воскресни, Иешуа, царь иудейский!».
- И он воскрес. Медленно, как будто проснувшись от аргического сна, поднялся и прильнул к Марии, обнимая её, как в давние годы - счастливо, по-детски. И заплакала Мария, не скрывая своих слёз.
- Они вышли из пещеры - отныне Святая Мария и Сын человеческий.
-

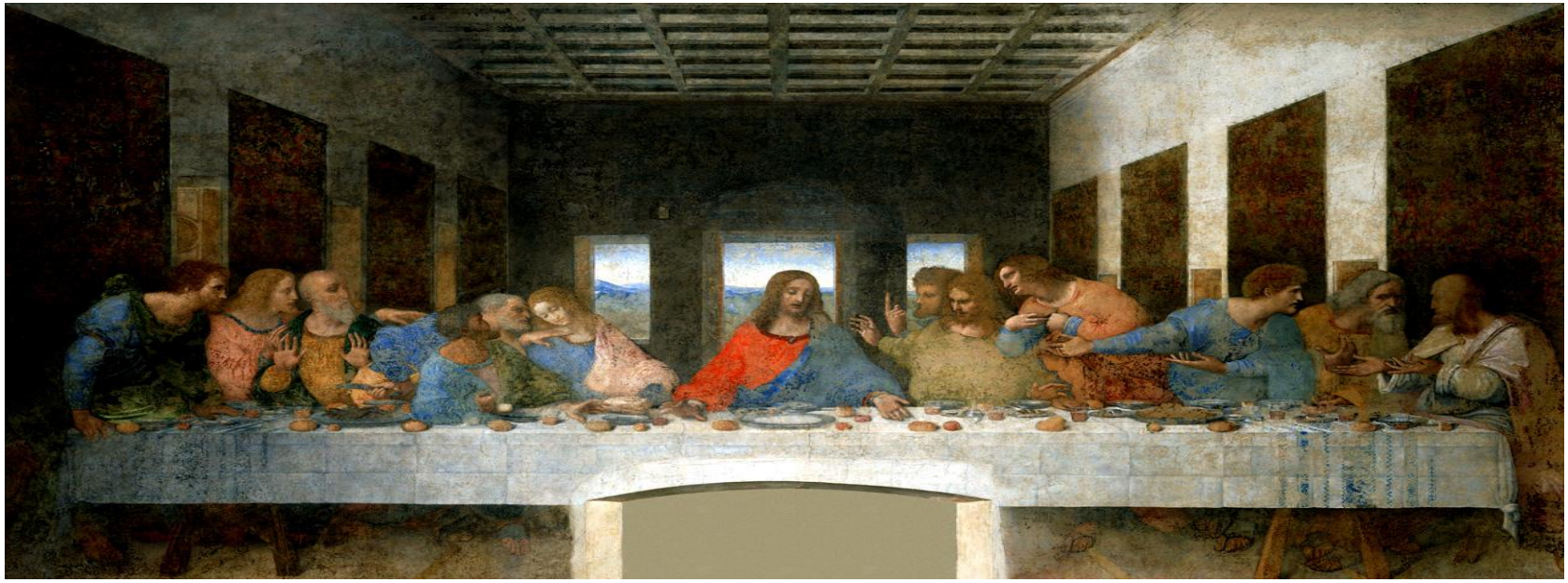
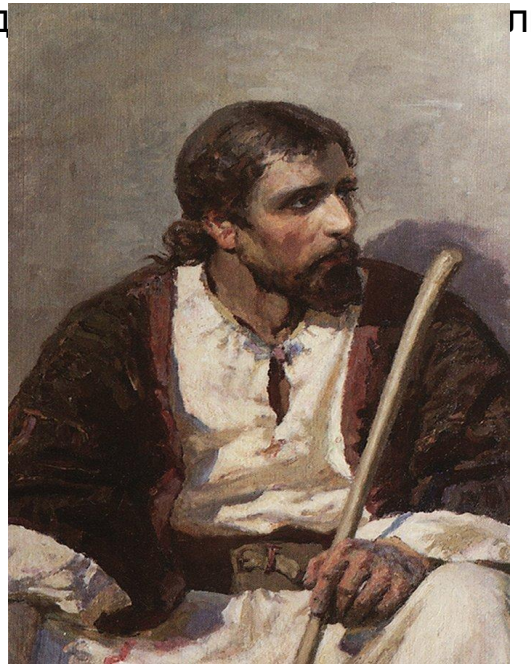


Mary Magdalene with Jesus by Del Parson

- Такова была моя невероятная догадка, моя версия воскрешения Иисуса. Но ведь её трудно опровергнуть. Мария Магдалина, а с ней и другие женщины, пришли после Святой Марии. Её материнское сердце указывало путь к любимому Иешуа, а её напряженное сознание, волны памяти о детстве Иешуа, волны её голографического поля проникли в сознание её любимого сыночка. И он воскрес, и они вышли - Мария и Иешуа в новую жизнь.
-
- Я привёз трёхчасовые съёмки о фестивале в Израиле. С тех пор мне не удавалось больше побывать на Святой земле. Я остался там в своих песнях, они полюбились - на русском канале Израильского радио (Кан РЭКА) обо мне прошёл репортаж, и с той поры песни мои порой звучат на Святой земле. Приглашали ещё приехать, попеть в Иерусалиме, Тель-Авиве.. Но не сбылось.
- Мне было уже 63 года, только 2-3 года стали выдавать что-то похожее на зарплату, а я хотел посмотреть Мёир. Я увидел много красивых городов: Париж и Прагу, Венецию и Барселону... Но что может быть дороже, красивее, загадочнее моего любимого с детства Санкт-Петербурга, о котором я написал более 20 песен, и поныне звучащих на радиоканалах, разучиваемых в петербургских школах…
- Мне больше не пришлось ходить по этой Святой земле, которая считается моей исторической Родиной, где уже наступил 5780 год, а более 3000 лет назад возникла иудейская религия и уже 2020 лет как из неё родилось Христианство.
- С тех пор часто вспоминал строку из песни Юрия Визбора: «И витает надо мной христианская идея…»
- С тех незабываемых дней тема христианской идеи захватила меня и навсегда соединилась с темой моего любимого города Святого Петра - в моем жизнеощущении, в моих стихах и музыке.
- Я сочинил цикл романсов, навеянных ароматом и ветрами Святой земли - «Рождественский романс», «Иерусалимский романс», «От любви хорошеют»… Они гармонично записались в аудиоальбом «Рождественский романс». Издательство «Композитор» объединило 7 песен и романсов в одноименном нотном сборнике, в переложении для рояля и гитары.

- Если проехать дальше на Север от Галилеи, к городу Цфат, где с начала 20-го века живет и работает колония русских художников, то дорога ведет по возвышенности, и небесно-голубой потолок так близко, что кажется - до него можно дотянуться рукой, и Бог где-то рядом.
- «Только руку протяни – небо, кажется, достанешь и небесные огни на простор земной доставишь, но они так далеки - лишь миражное видение…»
- Увы, это мираж. Во Вселенной с её тяжелой материей, чёрными дырами и белыми пятнами, раскалёнными и замёрзшими планетами, с бесконечными магнитными бурями - нет безопасного места для Бога.
- Святая Мария и Сын человеческий научили нас: «Царство Божие» в нас самих, в наших сердцах и душах.
- В моём «Иерусалимском романсе» есть строка по смыслу заимствованная из Евангелия:
- «Те истины, что мы перечеркнули,
- Отныне на скрижали душ вернулись
- И восклицают «Бог – всегда любовь!»
-
- Теперь я, может быть, написал бы - « И Любовь, и Совесть, и Честь».

- Иногда пытаюсь сам себе ответить на вопрос: «Почему же Петр Первый назвал город наш именем апостола Святого Петра?» Может быть, в нашем суровом, дождливом, сыром климате он ощущал знойные ветры Святой земли и надеялся - они согреют нас и Святые образы помогут нам жить?
- «И пряный запах мирры, и томный жар хамсина
- таинственным обрядом в себя вселили Вы
- и донесли заветом от стен Иерусалима,
- чтобы согреть объятья прохладные Невы.»
- (Это из романса « Небесное откровение дождей»)
-
- Мой рождественский цикл звучит и по петербургским радиоканалам. Порой в Рождество меня приглашает на петербургский канал в передачу «Город и горожане» его неизменная ведущая Елена Александровна Воробьёва. Обаятельная женщина, повенчанная с Эфиром с юных лет, положившая на алтарь журналистики свою судьбу. Образованнейшая (каких и не увидишь нынче среди молодых журналисток), артистичная, волны слов её репортажей и радио-интервью трогают тысячи сердец слушателей, порой для них - самое счастливое лекарство.
- И мы слушаем мои рождественские песни, передаваемые в эфир, и ведём беседу…
- Живописцы разных эпох постепенно приближали образ Иешуа-Иисуса к образу современника. Мне посчастливилось увидеть картины «Тайная вечеря» кисти Леонардо да Винчи (в Милане, в росписи доминиканского монастыря), Тинторетто (в Венеции, в церкви Сан Джорджо Маджоре), Николая Ге (в родном Русском музее). Восхищался величием живописцев, порой казалось - сам присутствую в этих картинах на тайной вечере. И если у Леонардо - это ещё умело, по инженерному, с перспективой на основе «золотого сечения», выписанная икона, то у Тинторетто - уже присутствуют детали быта, фигуры динамичны, ведут активный разговор, а Н. Ге отображал в библейском сюжете современные литературно-общественные проблемы. В картине «Явление Христа народу» А. Иванов изобразил типичный групповой портрет того времени - иудеи, рабы, римские воины. Иисус, с достоинством и величием проповедника, мог обращаться к народу и на родном древнееврейском, и на греческом, которым владели многие в Иудее, и на государственном языке Римской империи, куда входило еврейское царство, - латыни. И совсем близкий нашим современникам образ Иешуа-Иисуса у Василия Поленова



- Я верю, что Иешуа-Иисус воскрес. И они вышли к людям - Святая Мария и Сын человеческий, чтобы навсегда породить в нас сознание того, что «Царство божие» в нас самих, что « Бог есть любовь». И звучит гимн-молитва во славу Святой Марии - «Ave Maria!», на латыни, во многих вариантах музыки. Во славу тех матерей, которые, с великой любовью рожая ребёнка, передадут ему часть своего биополя, голографической памяти, охраняющей сына или дочку по жизни.
- «Ave Maria, gratia plena! Gratia plena! Dominus tecum…» - этими строками из молитвы, в моей музыке, заканчивается и моя песня-баллада «Мария и сын».
- Иисус Христос живёт среди нас в своём человечном учении, возвышающем нас, спасающем от одиночества. А плоть человеческая, конечно, умирает. Проповедуют порой, что душа бессмертна и возносится к небесам, и реинкарнирует. Но что такое душа, где она обитает в человеке?.. Но, может быть?..
-
- Может быть, душа - это и есть голографическое поле нейронов, и при уходе человека из земной жизни, голографическое поле, если оно благотворно своей энергетикой и направлено на добрые дела, излучается во Вселенную и там объединяется с голографи[illegible]ющимся из таких же родственных полей.
- Но только в случае, очень надеюсь, добрых дел!
- Как тогд[illegible]пиме.